

Структурно-характерологическая модель личности. К вопросу о единой модели психотерапии*

ЕСЛЮК Р.П.

Частное предприятие «Научно-просветительский центр «Христианская интегративная психотерапия»
им. о. А. Меня», Украина, Харьков

Рассматривается вопрос взаимодействия характерологических радикалов, психологических типов и структурных инстанций личности. Раскрывается структурная взаимосвязь описанных аспектов, обосновываются закономерности такой взаимосвязи. Дается описание и обоснование созданной автором структурно-характерологической модели личности, на базе которой автор стремится заложить основания методологически единой модели психотерапии. Раскрываются теоретические, практические и мировоззренческие следствия применения разработанной модели и взаимодействие данной теоретической модели с другими структурными моделями, разработанными автором.

Ключевые слова: структурно-характерологическая модель личности, мандалы, фундаментальные основания единой психотерапии, характерологические радикалы и инстанции личности, архетип Дома-Личности

Введение

В данной работе, обобщающей результаты много летних исследований и наблюдений, предлагается структурно-характерологическая модель личности. По ходу изложения материала будет рассматриваться вопрос, какие из элементов модели являются оригинальными, авторскими, а какие уже известны в современной науке.

Предлагаемая модель личности объединяет наиболее значимые концепции психоанализа, психотерапии, психологии (отчасти соционики), прежде всего те, которые имеют отношение к структуре личности:

1. Структурная теория личности Зигмунда Фрейда (Ид, эго, супер-эго);
2. Психоаналитическая характерология, наиболее полно развитая в концепции Нэнси Мак-Вильямс;
3. Психоаналитические концепции структурных уровней патологии (Мелани Кляйн, Хайнц Кохут, Отто Кернберг и др.);
4. Структурные концепции К.-Г. Юнга и его учение о психике как устойчивой целостной системе полярных отношений и энергий;
5. Теория психологических типов К.-Г. Юнга и соционическая теория о 16 типах и их информационном метаболизме;
6. Теория личности Э.Берна, взаимосвязанная со структурной моделью Фрейда, однако имеющая свои нюансы;
7. Проблема личностных стилей, разрабатываемая современной психологией;
8. Другие важные концепции психотерапии (энеа-типологическая характерология Клаудио Наранхо, структурный психоанализ Жака Лакана, рабо-

та с субличностями в психосинтезе Роберто Ассаджиоли, современном НЛП и т.д.).

Если обратиться к современной психоаналитической литературе [2, 3, 11–13, 16, 22, 25, 26, 28, 30, 41, 42, 44–46, 49], то мы встретим общее стремление к поиску объединяющей структурной теории. Отто Кернберг концептуализирует свои работы во многом в русле структурного подхода [11–13]. Психоаналитик, последователь Кернберга, Нэнси Мак-Вильямс написала работу по психоаналитической характерологии «Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе» [30], в которой есть концепция основных характеров, рассмотренных с точки зрения психоанализа, и их отношение к уровням структурной организации и патологии.

Что касается вопроса о соотнесении характерологических радикалов и структуры личности, то создатель психоанализа Зигмунд Фрейд шел в этом направлении [45–47, 49]. В 1932 г. Фрейд издает работу «Либидинальные типы» (в книге «Психоаналитические этюды» [47]), в которой предлагает психоаналитическую характерологию, пытаясь соотнести радикалы и структуры. Так, он соотносит так называемый «эротический» характер (истерия) со структурой Ид, «нарциссический» — со структурой эго, а «компульсивный» — с супер-эго.

Однако в фундаментальном руководстве по психоанализу «Психоаналитическая теория неврозов», впервые опубликованном в 1945 г., Отто Фенихель весьма критически отзывается об этом направлении работ Фрейда [46]. Он утверждает, что основное в психоанализе — динамическая теория, а не абсолютное соотношение ведущего Ид, эго или супер-эго. И потому, по его мнению, «...фрейдовская типология не особенно

* Переработанная версия материала, ранее изданного под названием «Структурно-характерологическая модель личности и психотерапия как единая наука» в книге «Христианская интегративная психотерапия» [8]

полезна для понимания невротических нарушений характера» [46, с.678]. Нам представляется, что такая точка зрения, отрицающая значимость точного определения структурных составляющих личности, не верна, поскольку отвергает возможности успешного воздействия на динамические составляющие личности через четкое понимание структурных элементов.

Современная психология, динамическая психиатрия и психотерапия, на протяжении нескольких десятков лет работали в направлении создания единой так называемой циркумплексной модели, которая смогла бы объединить все известные характерологические черты и клинические диагнозы [34, с.39]. «Эта модель представляет собой градуированную окружность /.../, на которой соседние характеры более всего схожи друг с другом, в то время как характеры, расположенные напротив друг друга, являются противоположностями», — отмечает Клаудио Наранхо [34, с.39—40]. Одна из таких известных в психологии циркумплексных моделей была предложена Тимоти Лири в соответствии с его теорией межличностных отношений [34, с.40]. Другая — Шафером для систематизации результатов его исследований в области взаимоотношений родителей и детей. В 1963 г. Лорр и Макнайр сообщили о своем «круге межличностного поведения», который был получен на базе факторного анализа. Важную циркумплексную модель, относящуюся к психиатрическим диагнозам и радикалам, получили в 1967 г. Конт и Глутчик (информация из книги К. Наранхо [34, с.41]). Они разделили эту модель на три группы: эпилептоидная, шизоидная и истероидная. Фактически (заметим от себя), в русле классического разделения черт на три качества: *воля, мышление, чувство*.

О ситуации в современном психоанализе и психотерапии в отношении характерологии можно судить по фундаментальным работам В.П. Руднева [41, 42]. Известный российский философ и психоаналитик, автор многих книг по характерологии, В.П. Руднев в 2005 г. опубликовал книгу под названием «Словарь безумия» [42]. Название, конечно, оригинальное и эксцентричное. Однако никакого «безумия» в книге нет, есть описание характерологии и клинически-психиатрической характерологии.

В статье «Субличности» [42, с.280] автор стремится соотнести различные структурные теории личности и радикалы. Он намечает направление интеграции, указывает, что возможно соотнести идеи Кречмера, Фрейда, характерологию и т.д. Правда, в плане отнесения радикалов к определенным группам он не совсем точен. В этой статье он описывает три радикала как рациональные и относимые к супер-эго, и три — как Ид-характеры, управляемые влечениями. Верхняя и нижняя группы у него противопоставлены по степени дополнения. Верхняя группа: шизоидный/ананкастный/психастенический; нижняя: циклоидный/истерический/эпилептоидный.

Как видим, автор опирается не совсем на психоаналитическую характерологию, а отчасти на учение классической психиатрии об акцентуациях. Несмотря на ошибочное отнесение шизоидного радикала к супер-эго, а не к эго (как в нашей модели), В.П. Руднев подошел замечательно близко к созданию целостной характерологической и структурной модели, очень хорошо наметил пути интеграции.

Следует сказать, что работы в области характерологии затрагивают и вопрос стиля человека, активно разрабатываемый в академической психологии. Здесь также пока нет четко оформленных представлений о структурном целом. В книге «Дифференциальная психология» А.В. Либин пишет: «Спору нет, переход от достаточно четко очерченных определений, описывающих отдельные признаки стиля человека, такие, как импульсивность/рефлексивность, инертность/подвижность, интернальность/экстернальность, к модели, объединяющей эти признаки в единое пространство стилевых проявлений, чрезвычайно затруднено в силу сложившихся традиций и стереотипов. Но этот переход неизбежен. Стиль человека как универсальная характеристика его индивидуальности нуждается в объяснении с позиций целостного подхода» [24, с.178]. Хотя наша модель прямо не связана с вопросом стиля, мы полагаем, что можно обнаружить параллели между структурой и стилевыми особенностями личности.

В своем исследовании мы ориентируемся на интеграцию наиболее фундаментальных типологий и характерологий, а также на соотнесение радикалов и структуры личности. В результате этих поисков, изучения соотнесения типов соционики (науки, выросшей на почве юнговской типологии) с психоаналитическими радикалами характера (и отчасти, косвенно, с энеа-типологическими характерами-ориентированиями, по Клаудио Наранхо) сложилась структурно-характерологическая модель личности. В связи с этим автору удалось подметить, что в целом поведение человека реализуется через целостность устойчивой «триады характерологической адаптации», или ТХА, как это явление было обозначено. Этому была посвящена статья, опубликованная в журнале «Психотерапия» в 2006 г. [7]. Однако там был допущен ряд неточностей. Кроме того, там отсутствовала интегративная модель, хотя в целом автор пытался увязать ТХА с типами соционики и энеа-типами Клаудио Наранхо.

Вообще же следует отметить, что в русле тенденции триады ориентированы многие классические исследования Кречмера [18], Шелдона, Хорни и др. Со временем Кречмера число три соотносится с количеством генетически определимых психозов, изучаемых большой психиатрией: шизофрения, циклотимия (манякально-депрессивный психоз) и эпилепсия. То есть, тут можно проследить проявление классических качеств: *ум, чувство, воля*.

Однако в плане именно характерологических радикалов психоанализа (в русле концепции Мак-Вильямс), по всей видимости, о феномене «триады характерологической адаптации» до нашей статьи в журнале «Психотерапия» [7], по всей видимости, в литературе не упоминалось.

Однако что это — воля, ум, чувства — радикалы или типы? Как радикалы соотносятся с типами? А со структурой личности Фрейда? В структурно-характерологической модели личности, удалось соотнести как психологические типы (по Юнгу), так и радикалы характера, а также, что особенно важно, и структуру личности (по Фрейду).

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению структурно-характерологической модели личности, необходимо кратко описать базисные теоретические источники нашей модели: представления о радикалах характера, уровнях организации личности, классическую психоаналитическую структуру личности и психологические типы по Юнгу.

Классическая психоаналитическая структура личности

Нэнси Мак-Вильямс пишет по этому поводу: «Публикацией «Эго и Ид» (1923) Фрейд представил свою структурную модель и открыл новую эру в развитии психоаналитической теории. Исследователи-аналитики переместили свой интерес с содержания бессознательного на процесс, посредством которого это содержание удерживается вне осознания. Эрлоу и Бреннер (Arlow & Brenner, 1964) убедительно доказывали, что структурная теория с ее упором на понимание процессов, происходящих в это, имеет большую объяснительную силу» [30, с.44].

Новым этапом развития этой теории стали работы Эрика Берна [2, 27, 50]. Он придал абстрактным построениям психоанализа феноменологический характер, позволяющий точно описывать изучаемую структуру личности.

1. *Ид, или Оно* (в концепции Э. Берна — *Ребенок*). Фрейд пользовался достаточно простой терминологией, и его теоретические определения инстанций личности вполне понятны всем. Под инстанцией Ид (Оно) Фрейд понимал ту часть психики, которая содержит наши примитивные желания, фантазии, иррациональные стремления и т.д. Иначе говоря, это и есть знаменитое бессознательное, которое живет принципом удовольствия. Здесь действуют довербальные, дологичные принципы, а импульсы выражаются в образах и символах. Фрейд подчеркивал биологическое, животное происхождение многих человеческих импульсов. Э. Берн под инстанцией, обозначенной им как *Ребенок*, понимал структуру, фиксирующую опыт ранних впечатлений, спонтанное восприятие жизни, опыт жизни чувств.

2. *Эго, или «Я»* (в концепции Э. Берна — *Взрослый*). Это та инстанция, которая позволяет человеку приспособливаться к жизни, управляя своими желаниями, исходящими из Ид, и помогает соизмерять их с требованиями супер-эго. Иначе говоря, это является посредником между ними, и функционирует в соответствии с принципом реальности и вторичного процесса мышления (последовательного, логического, ориентированного на реальность познания). Это имеет как сознательный, так и бессознательный аспекты. В бессознательные или предсознательные аспекты попадают различные *защитные механизмы*, которые могут быть как адаптивными, так и дезадаптивными;

3. *Супер-эго, или сверх-«Я»* (в концепции Э. Берна — *Родитель*). Под супер-эго Фрейд понимал моральную инстанцию, контролирующую проявления Ид, а также инстанцию, включающую в себя наши идеалы и ценности. Эта инстанция формируется под влиянием воспитания, через бессознательное усвоение идеалов и ценностей окружения. В этом смысле, супер-эго может играть как негативную роль, блокируя здоровое проявление жизненных потребностей Ид, так и позитивную, сохраняя цельную личностную идентичность и основной набор ее идеалов и ценностей, характеризующих чувство стабильности и безопасности. По Э. Берну, в этой структуре хранятся реальные голоса, образы родительских фигур, близкого окружения, которые учили, воспитывали.

Классические радикалы характера

1. *Шизоидный радикал*. Характеризуется наиболее явным использованием такой психологической защиты как расщепление, а также интеллектуализация, рационализация, отрицание, уход в фантазию и т.д. Эти люди часто описываются как тонкие и ранимые. Нэнси Мак-Вильямс отмечает у людей с ведущим шизоидным радикалом такую черту, как недостаток у них общих защит. Также она отмечает у них удаление от внешнего мира, стремление дистанцироваться и защитить тонкую психику от соприкосновения с травмирующим внешним миром, удаленность от собственного эмоционального мира. Шизоидные люди страдают от тревоги и борются с фиксацией орального уровня, связанной с принятием или непринятием внешнего мира. Также шизоидные личности способны порою значительно лучше воспринимать то, что другие часто не признают или игнорируют, а в психотерапии они с самого начала демонстрируют такой уровень понимания, который у пациентов с иным типом характера был бы возможен через несколько лет работы.

2. *Параноидный радикал*. Сущностью параноидной личности является обычное преследование различных слабостей и недостатков, а также привычка проецировать свои личные качества, т.е. видеть в окружающем пространстве негативные качества, бессознательно отторгаемые от образа своего «Я». Таким образом, наиболее час-

то используемыми психологическими защитами параноидной личности являются проекция, чувство грандиозности, отрицание, отчужденные характеристики часто воспринимаются как внешняя угроза. Параноидную личность часто сопровождает тревога и страх, подозрительность. Они склонны «преследовать» всевозможные проявления слабости в себе и других. Из положительных качеств, часто для таких людей характерны сильная воля и решительность, твердость, глубокие внутренние идеалы и ценности, желание и умение справляться с трудностями.

3. Нарциссический радикал. Такая личность организована вокруг поддержания собственного самоуважения, чаще всего через внешнюю оценку другими, испытывая попеременное чередование своего идеализированного или же униженного имиджа и в норме находя здоровый баланс между этими двумя крайностями. Из наиболее часто используемых защит отмечаются идеализация и обесценивание, а также рационализация, интеллектуализация, проекция и др. Если пораженческая личность фиксируется на чувстве вины и униженностии, то нарциссическая склонна к переживанию величия и эгоцентризма. Для нарциссического типа важным оказывается потребность в слиянии с идеализируемым другим, расширяющим границы самоуважения.

4. Компульсивный радикал. Связан с удержанием, сдерживанием аффективной сферы, сферы инстинкта. Для этого типа характерна так называемая анальная фиксация: стремление к чистоплотности во всем, упрямство, пунктуальность, сдерживание и т.д. Их базисным аффективным конфликтом являются гнев (контролируемый) и страх быть осужденными и наказанными. Из психологических защит для них наиболее характерны реактивное образование, изоляция аффекта, уничтожение сделанного, морализация, интеллектуализация, рационализация и др.

5. Депрессивный радикал. Этот радикал связан с онкой душевной чувствительностью, склонностью к обраziению агрессии не на обидчика, а на самого себя, значительным чувством вины. Из психологических защит характерно использование интроекции, т.е. идентификации со значимым объектом, идеализации, отрицания, рационализации и т.д. Это тонкие, этичные люди, которые часто испытывают сложности с проявлением волевых качеств и позитивной агрессивности. К положительным качествам следует отнести их способность к пониманию и сочувствию, сопререживанию и сорадованию.

6. Гипоманиакальный радикал. Этот тип личности описывается как представляющий собой обратную сторону депрессивного. Депрессивная организация при этомнейтрализуется через защитный механизм отрицания. Гипоманиакальный человек часто находится в приподнятом настроении, энергичен, остроумен, грандиозен, склонен к идеализации других, хотя чаще использует такие психологические защиты, как отрицание, отре-

агирование, обесценивание, всемогущий контроль и т.д. Гипоманиакальная личность делает все, чтобы уйти от переживаемой ею сильной внутренней тревоги в чувство веселья и оптимизма.

7. Пораженческая (мазохистическая) личность. В самом названии заложено определение основной направленности характера: переживание боли, страдания, глубокой вины и печали как результат самонаказания. Как и депрессивные личности, пораженческие используют такие психологические защиты, как интроекция, обращение против себя, идеализация, кроме того, они сильно полагаются на проекцию, отреагирование, морализацию и др. К положительным качествам такого типа личности следует отнести ее высокие моральные стандарты, чувство ответственности, самоконтроль.

8. Истерический радикал. Также этот радикал еще обозначается как «театральный». Именно при попытке понять истерию Зигмунд Фрейд заложил основу теории психоанализа. Люди этого типа характеризуются высоким уровнем тревоги, напряженности и реактивности. Это теплые, сердечные люди, часто склонные к сильным внутренним конфликтам и драматизации переживаний. Из психологических защит они чаще всего используют вытеснение, регрессию, сексуализацию, им свойственно противооблическое отреагирование вовне, чаще всего связанное с вымыщенной властью и опасностью, исходящими от противоположного пола. Чаще всего такие люди обладают богатым воображением, требуют стимуляции и остро нуждаются в общении, любви и близости. Часто они обладают театральными способностями, умением производить впечатление на людей, глубиной чувств и способностью передавать их другим.

Это 8 основных радикалов. Также выделяют еще некоторые характерологические типы, однако, по мнению автора, такие типы можно обозначить как дополнительные в силу того, что они встречаются достаточно редко и, в целом, схожи с каким-нибудь из классических типов характера, входящих в основу структурной модели личности. К примеру, выделяют фобический, диссоциативный, асоциальный типы и др. [11—13, 15, 26, 30, 41—43, 46, 47, 53, 57].

Краткая характеристика психологических типов по Юнгу

1. Чувство, или этика. Чувства ориентируют нас в мире ценностей, сигнализируют нам об удовлетворении наших потребностей, инстинктов, помогают понимать отношения между людьми, позволяют давать этическую оценку тем или иным событиям. Эмоциональный тип личности интересуется вопросами добра и зла, любви и ненависти, отношениями между людьми, а не теориями и конструкциями. Такой тип личности способен легко управлять настроением, устанавливать психологическую дистанцию общения и т.д.

2. Мышление, или логика. Если чувства сигнализируют нам о нашем субъективном мире и потому пристрастны, то мышление дает возможность ориентироваться в объективном мире, постигать логические, разумные законы, по которым устроено мироздание. Для мыслительного типа важны закономерные связи, по которым формируются и функционируют явления, важны факты, на основании которых можно познавать общие законы и принципы. Такой тип рационально ориентирован и стремится к максимальным осознанности и пониманию.

3. Интуиция дает нам информацию о существовании объекта во времени, возможность благодаря фантазии заглянуть в прошлое, представить будущее. В общем, это богато развитое воображение, которое способно предвидеть развитие событий во времени, увидеть целое, преодолеть материальные границы. Такой тип личности способен отстраняться от окружения и видеть глубинную суть происходящих процессов, создавать новое благодаря своей развитой фантазии. Однако в обычной жизни может быть рассеянным.

4. Сенсорика, или ощущение. Противоположный интуиции процесс, который сигнализирует нам о том, что предмет есть (тут). Сенсорика помогает ощутить само по себе присутствие предмета, увидеть его мельчайшие детали, всю фактуру, так сказать. Сенсорика связана с постановкой конкретных вопросов и конкретных задач, в отличие от интуиции. Людям такого типа важно получить желаемое сегодня, не откладывая на потом, их девиз — действие. Такие люди, чувствительны к комфорту и уюту в окружающем пространстве и к жизни своего тела.

Описанные противоположные функции имеют тенденцию вытеснять, подавлять свою противоположность, делать ее очень слабой, недоразвитой. Соответственно, человек становится односторонним, начинает терять адаптацию к тем сферам, которые связаны с подавляемой функцией, а ее развитие дает живительный импульс к расширению внутреннего мира и обретению целостности.

Также Юнг в «Психологических типах» [60] описывает два типа установок: интровертную и экстравертную. Соответственно, интроверт ориентирован на свой внутренний мир (идей), а экстраверт — на внешний мир (факты). Соединение ведущей функции и установки давало восемь типов личности, которые описывались Юнгом. Однако современная соционика и современная юнговская типология [1, 5, 17, 36, 37, 39, 56] описывают 16 основных типов, включая в рассмотрение не только первую, но и вторую функции. Соционика — это наука о законах межличностного взаимодействия и обмена информацией, возникшая в 80-е годы на основе юнговской типологии благодаря работам Аушры Аугустиновиче [1]. Современная соционика и типология стран СНГ [1, 5, 36, 37, 39, 56] считается значительно более развитой по сравнению с аналогичными сферами на Западе.

Уровни структурной организации личности

В отношении количества структурных уровней в психоаналитической литературе до сих пор существует неясность. Это связано с научным (творческим) конфликтом между представителями школ Хайнца Кохута [16, 25, 44] и Отто Кернберга [11—13, 30] по поводу нарциссизма.

Нэнси Мак-Вильямс, последовательница Отто Кернберга в этом вопросе, в книге «Психоаналитическая диагностика» [30] выделяет три патологических уровня: психотический, пограничный, невротический. Не столь однозначны взгляды самого Кернберга. Как замечает А.Ф. Усков в предисловии к книге Отто Кернберга «Агрессия при расстройствах личности и перверсиях», «Кернберга очень интересуют вопросы патологического нарциссизма, который иногда, как мне кажется, превращается у него в отдельную категорию патологии наряду с тремя упомянутыми» [11, с.7].

Дадим краткое описание структурных уровней.

1. Характеристика психотического структурного уровня. На данном структурном уровне имеются нарушения в тестировании реальности, ее неадекватное (психотическое) восприятие. Человек глубоко внутренне опущен и дезорганизован. Основной конфликт здесь — между принятием и полным отвержением реальности с уходом во внутренний аутистический мир. Не трудно диагностировать психоз у пациентов, которые демонстрируют галлюцинации, бред, идеи отношения и алогичное мышление. Однако часто психоз бывает скрытым, компенсированным и может выйти на поверхность после сильного стресса. Часто люди на психотическом уровне не полностью уверены в собственном существовании и задаются такими вопросами, которые обычному человеку могут показаться странными: «Откуда я? Кто я такой? Что такое мое тело? и т.д.». Из психологических защит психотические пациенты чаще всего используют расцепление и диссоциацию, уход в фантазию, отрицание, тотальный контроль, примитивные идеализацию и обесценивание, проекцию и интроекцию и т.д.

2. Пограничная структурная личностная организация. Если личность психотического уровня проявляет выраженную беспомощность, то пограничная личность, можно сказать, фиксирована на самозащите, потому этот уровень лучше всего укладывается в описанную Мелани Кляйн параноидно-шизоидную позицию [14], к которой, по ее концепции, присоединяется маниакальная защита. Ее продолжатель Отто Кернберг описал основные особенности пограничного уровня:

1) диффузная (или размытая) личностная идентичность — наличие нескольких (многих) никак или почти никак не связанных, частичных, противоречивых образов себя;

2) преимущественное использование примитивных защитных механизмов (защитных механизмов низко-

го уровня) — расщепления, проективной идентификации, примитивных идеализации и обесценивания, отрицания и т.д.

3) сохранная проверка реальности, т.е. способность отличать внутреннюю реальность (мысли, чувства, желания) от внешней (на что не способны психотические пациенты).

Кроме того, важнейшим критерием, по Кернбергу, является нарушение у пограничных личностей объектных отношений, а также интеграция супер-эго в личность. Собственно, в понятие *использования примитивных защит*, прежде всего расщепления, входит нарушение объектных отношений, т.е. восприятие значимых объектов то как «абсолютно хороших», то как «абсолютно плохих». У пограничных пациентов отсутствует переживание зреющей амбивалентности чувств, устойчивости в восприятии значимых объектов. Для них характерна недифференцированность инстанций Ид, эго, супер-эго.

3. *Структурная организация нарциссического уровня*. В целом представители школы Хайнца Кохута признают существование отдельного нарциссического уровня, в то время как психоаналитики, ориентирующиеся на теорию Кернберга, такого отдельного уровня не признают. Впрочем, как отмечалось, сам Кернберг склонен видеть нарциссических пациентов как более сохранных и дееспособных, нежели пограничные (он относит нарциссических к отдельной подгруппе пограничных). Мы принимаем нарциссический уровень как отдельный структурный уровень и находим подтверждение данному положению в структурно-характерологической модели личности. Пациент нарциссического уровня отличается большей сохранностью, нежели пограничный. Если объектные отношения пограничного пациента крайне неустойчивы, то для нарциссического характера *постамбивалентная позиция*, т.е. сформированность образа значимого другого, способность одновременно переживать и позитивные, и негативные чувства, не расщепляя их. В то же время, образ самого себя у нарциссически нарушенного пациента оказывается диффузным (размытым), фрагментированным, противоречивым, поэтому он озабочен вопросами поиска целостности своего «Я» (Self) и поддержания самоуважения.

4. *Невротическая структурная организация*. На этом уровне структура Ид, эго и супер-эго сформирована и четко выражена. Личность опирается в основном на более зрелые и рациональные защиты, так называемые защиты второго порядка: вытеснение, рационализацию, интеллектуализацию и т.д. При этом могут использоваться и примитивные защитные механизмы. Отсутствие защит высшего порядка исключает определение личности как невротической, т.е. зреющей. Внутреннему опыту невротической, т.е. структурно целостной личности, свойственно переживание непрерывности собственного «Я», интегрированное чувство идентичности.

При просьбе описать самих себя и свое окружение они обычно легко способны это сделать, в отличие от пограничных пациентов. Их описания отличаются глубиной и многогранностью (конечно, с учетом интеллектуального уровня). Правда, необходимо оговориться в данном пункте по отношению к так называемым алекситимическим пациентам, которые могут быть на любом структурном уровне. Алекситимия обозначает так называемое оперантное мышление, или же мышление действием, неспособность к вербализации своих чувств и дистанцированию от них. Такие пациенты стремятся уйти от осознания своих чувств в действия, для них характерна внутренняя симбиотическая связь с родительскими образами. Невротический пациент адекватно оценивает реальность, себя и свое окружение, однако у него может существовать патологическое, искаженное невротической картиной мира представление о реальности и о себе. При работе с невротическим пациентом исправляются невротические представления и формируется более гармоничная структура личности, прорабатываются конфликты между Ид, эго и супер-эго.

5. *Здоровая личностная организация*. В отличие от Мак-Вильямса, Отто Кернберг выделяет данный уровень, хотя большинство людей скорее находится в спектре между невротическим и здоровым уровнями, а границы между уровнями размыты. Большинство людей наделено теми или иными невротическими чертами и невротическими искажениями действительности. Если под здоровой личностной организацией понимать отсутствие явных невротических проблем, требующих лечения у психоаналитика, то тогда в эту категорию может быть вписано больше людей, чем если под таким определением понимать полную самоактуализацию (индивидуацию, по Юнгу), полное душевное здоровье и реализацию всего заложенного в личности потенциала. По оценкам Абрахама Маслоу, приблизительно 1% людей могут быть названы самоактуализированными. При этом конечно, необходимо понимать субъективность таких оценок, зависимость от культурного уровня и т.д.

Структурно-характерологическая модель личности

В своей книге «Основные формы страха» Фриц Риман [40] выделяет 4 радикала-ориентирования, противопоставляя их один другому: шизоидность — депрессивность, компульсивность — истеричность. Нам удалось развить интенцию автора этой книги и продолжить ряд компенсаторных отношений между радикалами. Ориентируясь в целом на концепцию Нэнси Мак-Вильямс [30], мы исключаем из рассмотрения описанные ею асоциальный и диссоциативный радикалы. Таким образом, рассматриваются 8 классических радикалов: шизоидный, параноидный, нарциссический, компульсивный, депрессивный, гипоманиакальный, пораженческий и истерич-

ский. Они укладываются в структурно-характерологическую, циркумplexную модель личности (мандалу).

На рис. 1 показана общая схема, или мандала (мандала — равновесный круг, обозначающий целостность). Радикалы здесь противопоставлены один другому как противоположно компенсаторные. Если шизоидный приводит к отчуждению и расщеплению, то в депрессивном радикале выражена тенденция к близости и интроверсии, слиянию со значимым объектом. В параноидном нарастает степень напряжения и подозрения, а в гипоманиакальном высок противоположный полюс гипероптимизма и отрицания всякой угрозы. В нарциссическом радикале нарастают самовозвеличивание и эгоцентризм, а в пораженческом — противоположный полюс самоуничижения и вины. В компульсивном — высокое напряжение сдержанности и контроля, а в истерическом высоки спонтанность и динамичность.

Также на рисунке выделена ось вертикального противостояния *шизоидность — депрессивность* как наиболее выраженного конфликта в смысле патологии. Мелани Кляйн гениально уловила это, противопоставив при тяжелых личностных расстройствах параноидно-шизоидную позицию депрессивной.

Но если соотнести такое противостояние с другими концепциями, то оно раскроется как еще более фундаментальное и базисное в плане *структурного подхода*. С точки зрения типов Юнга и соционики, это противостояние между мышлением (шизоидность, по Р.П. Еслюку) и чувствами (депрессивность и др., по Р.П. Еслюку). А иначе, в соответствии с нашей моделью, это противопоставление между структурой эго и Ид.

Впервые книга Карла-Густава Юнга «Психологические типы» [60] вышла в Цюрихе в 1921 г. В этой книге ученый представил описание четырех основных типов и двух базисных установок, что при объединении порождало 8 типов субъективного восприятия бытия. Первоначально исследование вопроса о базисной психологической типологии диктовалось стремлением Юнга решить задачу о границах объективности и субъективности в восприятии мира. В значительной степени такая постановка вопроса вытекала из постановки гносеологических проблем немецким философом Артуром Шопенгауэром [55], произведениями которого увлекался Юнг.

Мир — это мир человека. Таков, фактически, исходный пункт философии Шопенгауэра. Для него мир есть субъективное представление человека, а это означает, что субъект не может отделить познания мира от своей субъективности. А если это так, то следует логичный вопрос о том, что же такое объективный мир. Пространство, время, причинность — это наши представления? Шопенгауэр отвечает: да, это наши представления. Каждый строит «свой мир», каким его позволяет видеть его собственная способность к представлению.

В учении Юнга о психологических типах воспроизводится стремление ответить на вопрос о границах объекта и субъекта, о восприятии субъектом объективного мира. Категории объективного мира, такие, как пространство, время, причинность, находят параллели в мире психики. Соответственно как ощущения (пространство), интуиция (время), мышление (причинность). Также Юнг добавляет в общую схему категорию *ценностей*, которым эквивалентны на уровне психики чувства (наиболее полно об этом в «Тевистокских лекциях» [58]).

Издатель книг Юнга на русском языке и его друг Эмиль Карлович Метнер в предисловии к изданию «Психологических типов» в 1929 г. писал: «Типология Юнга связана с преобразованием психоаналитической техники, над которым он работал в своей практике. Прежний редуктивный метод исследовал преимущественно бессознательное, ограничиваясь обобщающей этиологией. Конструктивный метод Юнга не отменяет, как то сделал Адлер своим односторонне финальным методом, а дополняет этот прежний строго фрейдианский метод» [60, с.39]; «...последняя (типология Юнга. — Прим. Р.Е.) призвана водворить согласие между академическими учениями о психике и психоанализом, в особенности в том расширенном и углубленном его построении, которое дала ему аналитическая психология Юнга» [60, с.40].

Таким образом, Метнер подчеркивает интегративный характер юнговской типологии, делающей важный шаг к объединению академической науки и новаторских в то время концепций психоанализа. Кроме того, типология Юнга поднимала на новый уровень техники психотерапевтической работы. Это и послужило основанием для включения психологической типологии в число базисных оснований единой модели психотерапии.

Разбирая далее вопрос типологии и противостояния функций, укажем, что тему конфликта *шизоидность/депрессивность* (и другие Ид-радикалы)

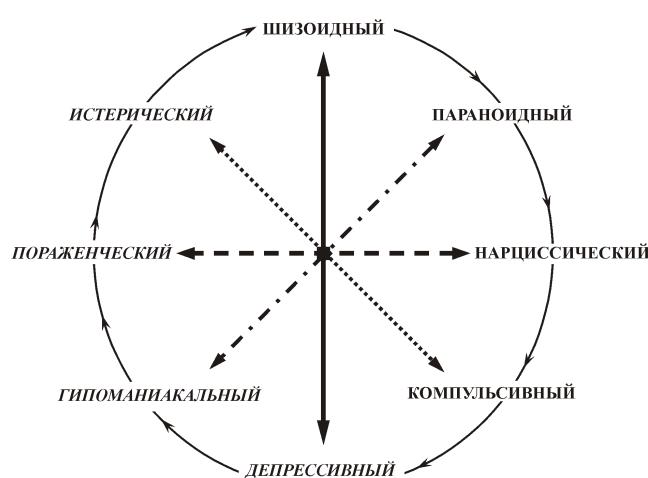

Рис. 1. Структурно-характерологическая модель личности (динамика уровней организации личности)

можно озаглавить «Дух как противник Души» вслед за немецким философом, мистиком и психологом Людвигом Клагесом, назвавшим так свою книгу, вышедшую на рубеже XIX и XX веков.

В 1900 г. он пришел к мысли о борьбе между духом и жизнью, которую счел своим великим открытием: «К жизненной основе принадлежат тело и душа, самым тесным образом соединенные друг с другом; душевное может все вновь открываться в телесных явлениях. В образах и дифирамбах поэта и визионера, в сказаниях и мифах первооснова жизни живет без границ и без формы...» [52, с.163]. «...Но в это единство жизненной основы вторгается извне дух и пытается лишить тело души, лишить душу тела и, таким образом, убить, в конце концов, всю сколько-нибудь достижимую для него жизнь. Вторжение духа подготовлено историей души». Клагес пытается объяснить это историей душевного развития и установить путем точного анализа ступени не-предвзятого видения, созерцания, наблюдения, формирования образа, представления, концепции и далее — отделение их от понятия вещи; все в целом представляет собой чудовищный процесс извращения первоединственности» (цит. по А. Хюбшеру [52, с.163]).

Иначе говоря, именно человек и только человек как существо духовное, разумное способен отделяться от своей природы, инстинкта, и противостоять своей природе. В этом плане Эрих Фромм анализировал человеческую деструктивность [48] как явление, трансцендентное инстинкту и всякому детерминизму, как некое «творческое» (духовное, самобытное, т.е. относящееся к свободе) начало в человеке. И этот конфликт является основным, центральным, осевым. Полюс шизоидности соотносится с психотическим уровнем и шизофренией, а противоположностью здесь является депрессивность как максимальная близость к природе души (Ид-радикал).

Однако важно осмыслить эти явления в русле гегельевской диалектики как переход явления в свою противоположность, присутствие в бытии противостоящих компенсаторных оппозиций. В противном случае будет совершенно непонятно, каким образом «дух» порождает свою противоположность — безумие или иную патологию. В бытии животных инстинктивность тесно соединена с интеллектуальной деятельностью и потому разрыв соотношений между ними невозможен в силу *недифференцированности* в животном мире тех базисных составляющих, которые четко выявляются в человеке. В человеке дифференцируются три базисных начала, диалектических полюса развития и борьбы — *инстинктивность, воспитание и разумность*. Эти три составляющие человека поднимают его на новые горизонты, связанные с духом, открывают свободу, этику, любовь, творчество, разумность и т.д. Однако эти же новые позитивные составляющие открывают и новый источник конфликта, невиданный в животном мире.

В отличие от многих современных ученых, считающих учение Гегеля архаичным, мы полагаем его необычайно живым и важным для объяснения жизненных и научных явлений. Зарождение идеи, дифференциация и синтез отражают реальные законы структурного развития психического. Как замечает Э.К. Метнер в том же предисловии 1929 г.: «Подобно тому, как не *ощущают* сердце, пока оно бьется нормально, так первобытный человек не воспринимает психики как чего-то, хотя и связанного с его природой, но все же *особенного*, пока эта психика функционирует без задержек и конфликтов» [60, с.29]. Иначе говоря, как уже было сказано выше, подъем на новый уровень развития открывает новые как положительные, так и отрицательные возможности.

Рассматривая вопросы о диалектическом принципе третьего и целостности, А.В. Курпатов и А.Н. Алехин в книге «Философия психологии. Новая методология» замечают: «Принцип целостности, открывающийся нам через понимание третьего, обладает чрезвычайной процессуальностью» [20, с.292]. Далее: «...все «деление», «разделение» в мире — это действующий миф, вызванный отождествлением» [20, с.292]. «Психологически принцип целостности впервые более-менее отчетливо зазвучал у К.-Г. Юнга — тут и коллективное бессознательное, и отношение к отдельно взятому человеку как огромному бесконечному миру, и философское осмысление нравственных категорий как целостности без разграничений внутри себя, без борьбы противоположностей» [20, с.294]. Целостность можно постигнуть только через диалектический подход к изучаемым явлениям.

На схеме шизоидный радикал показан как вершина Ян-качеств, он же, в соответствии с законами диалектики, с одной стороны, есть разумность, начало человеческой сознательности, с другой же, — начало деструктивности и распада. В противостоянии шизоидность—депрессивность выражается психотический уровень или противопоставление разумности и природы. Если они гармонично соединены, то это отражает здоровье, если же разъединены, — психотическую дезинтеграцию, расщепление.

С другой стороны, депрессивность есть также уровень психоза депрессивного, или, в соединении с гипоманией, маниакально-депрессивного. Так что Ян-качествам и симптомам на противоположном полюсе соответствуют аналогичные Инь-качества и симптомы, что означает необходимость в жизни единства полярностей, которые по отдельности проявляются как болезненные и дисгармоничные крайности.

Говоря по-иному про разумность, можно заметить, что как качество, открывающее свободу, разумность может привести к позитивной реализации этого потенциала, к верному познанию законов мира. С другой стороны, разумность может обернуться потерей, если разум примет неверные положения за истинные и нач-

нет на их основе строить дальнейшие выводы, отрывающие от объективных оснований действительности. Именно законы диалектики позволяют разрешить (снять) парадоксальность определенных фактов, которые, на первый взгляд, могут представляться противоречивыми. Например, парадоксальность положения о том, что «ранимый» шизоидный радикал выражает структуру эго (по Э. Берну, — Взрослый), а ведь это в классической теории психоанализа как раз и есть начало стабильности, рациональности, в то время как болезнь понимается как давление супер-эго или вторжение иррациональности, вторжение Ид.

В русле структурной модели, выявившей четкие соотношения радикалов характера и структур, по всей видимости, следует по-иному взглянуть на многие классические психоаналитические определения, переформулировать их в соответствии со структурными и диалектическими принципами. Транзактный анализ (ТА) Эрика Берна, будучи во многом современной моделью психоанализа, добавил в него структурной точности и феноменологической конкретности. Однако в некоторых версиях ТА психоз понимается как «отсутствующий Взрослый». В книге «Я — О'кей, Ты — О'кей» классик транзактного анализа Томас А. Харрис пишет: «Человек, у которого блокирован Взрослый /.../, впадает в психоз. /.../ Его Взрослый не функционирует, и поэтому он утрачивает связь с реальностью. Его Родитель и Дитя выступают неприкрыто...» [50, с.136].

В общем-то, верное суждение, однако требующее уточнения в русле отождествления психотического уровня с шизоидностью, обозначающей именно инстанцию Взрослый (эго). Диалектическая парадоксальность состоит в том, что на психотическом уровне Взрослый не блокирован, а болезненно трансформирован, что приводит к глобальному искажению реальности. Такой искаженный Взрослый отрывается от мира души, инстинктивности, которая вторгается в мир аутистического «Я» хаотичным образом, отражая принцип энантиодромии, т.е. схождения крайностей. Однако это относится к шизофреническим психозам. Что касается группы маниакально-депрессивных психозов, здесь, видимо, ситуация противоположная, отражающая доминирование искаженных чувств и настроений над интеллектуальными конструкциями.

Итак, полюс противостояния шизоидность—депрессивность отражает конфликт таких составляющих, как мышление/чувство, эго и Ид, и уровень психотического расстройства, на одном полюсе которого — шизофрения (мышление, доминирование искаженного Взрослого), на другом — маниакально-депрессивный психоз (чувство, доминирование искаженного Ребенка). Этот вертикальный уровень конфликта обозначен нами как осевой в силу того, что в структурном плане он связан с самыми тяжелыми расстройствами. В плане типов и ра-

дикалов здесь открывается еще одна структурная закономерность: есть несколько радикалов, соотносимых только со структурой Ид, и один шизоидный радикал, соотносимый со структурой эго.

В то же время, радикалы Ид и радикалы супер-эго не имеют столь жесткого соотнесения с типологическими установками, а это говорит о более мягком уровне конфликтного напряжения, что обозначается нами как горизонтальный диалектический конфликт. В плане обнаружения соответствий данным положениям в концепциях других авторов можно указать на работы Э. Берна, который соотносил выделенные им три базисные структуры (Ребенок, Родитель, Взрослый) с этапами формирования психики (археопсихика, экстеропсихика, неопсихика). По Э. Берну, археопсихике (Ребенок, Ид) противостоит именно неопсихика (Взрослый, эго). «Археопсихика стремится к более импульсивной реакции, основанной на прелогической мысли и деформированных понятиях» [2, с.25]. «Неопсихика стремится прежде всего трансформировать стимулы в элементы информации, обработать и классифицировать эти элементы, опираясь на свой предшествующий опыт» [2, с.25].

Томас Харрис в книге «Я — О'кей, Ты — О'кей» пишет в связи с этим: «Взрослый формируется позже, чем Родитель и Дитя, и на протяжении жизни сталкивается с немалыми трудностями. Основные сферы влияния принадлежат Родителю и Дитя, которые имеют тенденцию автоматически реагировать на стимулы» [50, с.122]. В таком контексте логично наше отнесение шизоидного радикала к вершине Ян-качеств, если учесть, что под Взрослым мы как раз и понимаем шизоидность.

Такие противоположные качества структур Ид и эго делают невозможным соотнесение радикалов, взаимосвязанных со структурой Ид и связанных со структурой эго. И если радикалы Ид и эго более жестко связаны с типологической установкой (мышление/чувство), то радикалы супер-эго могут быть соотносимы с любым психологическим типом. Эти утверждения станут более понятными, если обратиться к рис. 2, где изображено соотнесение радикалов структурно-характерологической модели и классической психоаналитической модели личности, а также психологических типов по Юнгу.

По ходу изложения материала важно заметить, что не следует переносить данные теоретические обобщения на отдельных людей, не следует прямо отождествлять шизоидность и психотический уровень или утверждать, что всякий шизоид «наиболее поврежден» и т.д. Как подчеркивает Нэнси Мак-Вильямс, все радикалы характера могут быть на любом из уровней спектра здоровья или болезни, и соответственно, человек с любым радикалом характера может быть как совершенно психологически здоровым, так и тяжело поврежденным. Также разведение полярных позиций в теоретической модели вовсе не означает, что в конкрет-

ном человеке такие полярности могут быть столь же резко противопоставлены одна другой, поскольку нужно учитывать *динамические аспекты жизни*, возможности развития в человеке компенсаторных и дополнительных факторов и ресурсов (что часто игнорирует, например, современная соционика).

В связи с этим юнгианский аналитик Дарэл Шарп в книге «Юнговская типологическая модель» справедливо замечает: «На языке юнговской модели каждый из нас составляет конгломерат, смесь установок и функций, которые в своей комбинации не поддаются классификации. Все это не только признается самим Юнгом, но многократно и настойчиво им утверждается, — «невозможно дать описание типа, — неважно, насколько полное, — которое было бы применимо более чем к одному индивиду, несмотря на тот факт, что некоторым образом оно способно характеризовать тысячи других. Сходство — это одна сторона человека, его уникальность, неповторимость — другая», — но вовсе не устраивает практической ценности его модели...» [54, с.95].

Следующий после шизоидного по часовой стрелке полюс представлен *параноидным* радикалом и пограничным уровнем организации характера. Объединение параноидно-шизоидных радикалов связано с этим уровнем патологии. Это не значит, что у всех людей с таким характером присутствует пограничное расстройство. Просто сам по себе уровень пограничного повреждения психики связан с использованием этих радикалов и характерных для них защит. В связи с этим психоаналитики интуитивно подметили, что есть радикалы, более сложные для лечения, а есть более простые, подвижные [11, 12, 13, 30, 46]. И схема отражает круговое уменьшение степени «сложности» радикала. То есть, если параноидный радикал — более «грубый» структурно, то в нарциссическом эта «грубоść» снижается, еще более уменьшаясь в компульсивном типе. Однако на практике каждый случай может представлять совершенно другие закономерности, поскольку каждый человек уникален.

Если психотический уровень характеризуется нарушением восприятия внешней реальности, то на пограничном уровне восприятие внешней реальности остается сохранным, в то время как ведущим признаком оказывается *нарушение объектных отношений*, а также нарушение *восприятия внутренней реальности*, когда внутренние объекты резко разделены между собой, расщеплены на «хорошие» и «плохие». Человек на пограничном уровне одно и то же воспринимает то как абсолютно доброе, хорошее, то как очень плохое, злое. Если на уровне психоза актуально принятие внешнего мира, то на уровне пограничном главное — вопрос самосохранения в угрожающем мире, наполненном параноидными проекциями и угрожающими объектами.

Мелани Кляйн кроме параноидно-шизоидной еще выделяла маниакальную защиту как характерную для

пограничного уровня, т.е. уровня тяжелых личностных расстройств. И на схеме видно, что гипомания является компенсаторной по отношению к параноидности и в случае пограничного расстройства присоединяется (компенсаторно) к параноидности и шизоидности, формируя явление, названное *синдром патологической адаптации* (так мы в упомянутой выше статье обозначили формирование псевдорадикалов адаптации к внутреннему миру травмы [7]). Иначе говоря, синдром патологической адаптации тоже выглядит как триада (ТХА), однако, если триада характерологической адаптации служит для адаптации к внешнему миру, то синдром патологической адаптации (или триада патологической адаптации) служит для адаптации к внутреннему миру травмы. Ведущими оказываются параноидность (воля, ориентированная на защиту от травмы), шизоидность (как разум, оторвавшийся от инстинкта в силу дезадаптации) и гипомания (как чувства, ориентированные на воображаемую реальность, инкапсулирующую внутренний мир травмы).

В этом смысле уместно вспомнить о концепции «архетипического защитника», выдвинутой юнгианским аналитиком Дональдом Калшедом [10]. Этот автор утверждает, что в личности существуют глубинные архетипические механизмы, защищающие личность от тяжелых психологических травм, уводящие от повторения травмы в мир воображаемой реальности. Такой «архетипический защитник» активно ограждает внутренний

Рис. 2. Соотношение инстанций личности и радикалов

мир от повторения боли, с другой же стороны, он препятствует объективному восприятию реальности, вынуждая «всезде» видеть опасность. По всей видимости, на языке нашего структурного подхода этот «архетипический защитник» и есть новая внутренняя структура (помимо внешней триады характерологической адаптации личности), которая формирует свою особую внутреннюю реальность, адаптирующую личность к травме. Объединение паанойдного, шизоидного, гипоманиакального псевдорадикалов адаптации к внутреннему миру травмы формирует некую субличность, отвечающую за самосохранение и самозащиту.

Рассматривая паанойдный радикал, мы перешли от рассмотрения структуры этого к рассмотрению структуры супер-эго. В нашей модели две структуры — это и супер-эго — составляют Ян-качества мандалы, в то время как структура Ид составляет ее Инь-качества. В продолжение разговора о свободе и диалектических законах следует заметить, что вообще всю правую, или Ян-область мандалы можно рассматривать в качестве «ответственной» за неправильное развитие. И это понятно, потому что здесь представлены качества разумности и воспитания, а инстинктивная часть в человеке раскрывается (или не раскрывается в здоровом виде) по мере формирования зрелых разумных установок и положительного воспитания.

Что касается представлений современного психоанализа, вернее, транзактного анализа, по поводу искаложений морального функционирования, хотелось бы обратить внимание, что здесь тот же вопрос о парадоксальности рассмотрен в контексте шизоидности, только теперь в связи со структурой супер-эго. Рассматривая вопрос контаминации (смешения) и блокирования структур в отношении темы «человек без совести», транзактный аналитик Томас Харрис пишет: «Еще более серьезную проблему, особенно в социальном плане, представляет контаминация Взрослого за счет Дитя при блокированном Родителе. Такая ситуация возникает в тех случаях, когда родители или замещающие их лица столь жестоки и пугающи либо, в другой крайности, настолько безвольно потакают ребенку, что самый безопасный путь — это блокировать их. Подобное типично для психопата...» [50, с.134].

Не вынося критических суждений о прекрасной книге Харриса, мы все же заметим, что, с точки зрения нашей структурной модели, в «человеке без совести» Родитель вовсе не исключается как структура, а, напротив, доминирует, но это доминирует именно искаженный, патологический Родитель. Прежде всего, у «человека без совести» доминирует дополнительный (не классический) асоциальный радикал, который и называется по-иному: *психопатический*. Этот асоциальный радикал мы относим к структуре супер-эго. Воспитание (Родитель) может быть как положительным, так и отрицательным.

Продолжая далее рассматривать схему, от паанойдного мы переходим к рассмотрению нарциссического радикала и к такому же уровню организации личностной патологии (этот уровень выделяется в школе Хайнца Кохута, и наша модель согласуется с этой точкой зрения). Здесь конфликт идет между напряжением «эгоцентризм/самоунижение» и касается нарциссического и пораженческого типов личности.

Можно заметить, что нарциссический радикал занимает срединное место среди группы супер-эго. По всей видимости, простительная для первооткрывателя и первоходца ошибка Фрейда, относившего нарциссический радикал к структуре эго, в связи с этим становится понятной. При условии, что нужно глубже и полнее раскрыть значение понятий и их взаимоотношений, т.е. учитывать, что в структуре речи слово *эгоист* является производным от слова *эго*. При поверхностном взгляде мы можем соотнести прямо эти понятия и их значения и тогда будет совсем непонятно, каким образом структура эго и связанная с нею шизоидность соотносятся с понятием *эгоизм* (нарциссический эгоцентризм). Как в структуре речи могло возникнуть такое суждение?

Этот парадокс получает объяснение, если мы рассмотрим данные определения шире, т.е. будем видеть общее в области эго и супер-эго, или во всей правой, янской, части мандалы. За воспитание и развитие личности «несут ответственность» Родитель и Взрослый, эго и супер-эго, разумность и воспитание, которые ответственны и за поведение. В таком более широком контексте «эгоизм» как раз и будет соотноситься со срединным уровнем нарциссического супер-эго. А Фрейд, видимо, проводил прямую параллель между эго и нарциссическим эгоцентризмом, относя нарциссический радикал к структуре эго (опять-таки следует заметить, что эти теоретические размышления о нарциссическом эгоцентризме нельзя прямо переносить на людей с таким радикалом характера).

Также при целостном рассмотрении вопроса «расшифровывается» и парадоксальность понятия *сила эго*, которое в психоанализе означает зрелость, целостность (парадокс: как же «силу эго» соотнести с шизоидностью?). Иначе говоря, понятие *сила эго* нужно относить не только к структуре эго, но, прежде всего, к эго и супер-эго вместе взятым, к янской части мандалы. А еще шире, понятие *сила эго* соотносимо со всеми инстанциями личности и их интеграцией.

Что касается творческого конфликта между школами Хайнца Кохута и Отто Кернберга по вопросу лечения нарциссических расстройств, хотелось бы заметить следующее. Нам представляется, что в русле нашего интегративного структурного подхода становится возможным ассимилировать эти различные точки зрения в целостную психотерапевтическую модель. С такой точки зрения противопоставление этих подходов явля-

ется не абсолютным (взаимоисключающим), а диалектическим, т.е. предполагающим взаимосвязь двух крайностей в единство.

В таком рассмотрении школу Кернберга можно назвать *объективной*, или логической, в то время как школу Кохута можно обозначить как *субъективную*, или этическую. Субъективность и объективность здесь не оценочные критерии, а обозначения того, какие аспекты психической реальности выделяются в обоих подходах. Школа Кернберга апеллирует к четким диагностическим критериям и к объективной работе в русле анализа влечений и причин их патологической динамики. В школе Кохута в центре рассмотрения субъективное восприятие пациентом своего «Я» и стремление максимально эмпатично воздействовать на пациента, установив близкие отношения с ним (важность «Я»-объектной связи).

По нашему мнению, ни один из подходов не охватывает все целое, которое нуждается в едином рассмотрении, в русле более *всеохватывающего дискурса*. Отто Кернберг делает весьма верное, на наш взгляд, замечание: «Теория Кохута не может ответить на многие вопросы. Если мы отказываемся от теории инстинктов, что тогда мотивирует «Я», что подталкивает «Я»? Если агрессия и либидо есть продукты дезинтеграции, как объяснить их наличие? Почему «Я»-объекты не преобразуются в процессе развития? И какую роль играют объектные отношения (если они вообще что-то значат) на доэдиповой стадии развития?» [13, с.239]; «Интрапсихический мир в представлении Кохута содержит лишь идеализированные образы «Я» и других («Я»-объектов). Эти теоретические ограничения не позволяют объяснить воспроизведение в переносе внутренних взаимоотношений с «плохими» объектами, а это — одно из важнейших проявлений не только патологического нарциссизма, но и всякой тяжелой патологии вообще» [13, с.237—238].

Структурное и феноменологическое смещение классической психоаналитической модели в концепции Э. Берна относительно теории личности в некоторых моментах ближе к модели Кохута (феноменология переживаний травматического опыта). И это еще один момент, указывающий на необходимость интеграции этих подходов в новом ключе. На наш взгляд, определенной ошибкой Кохута (не отменяющей его больших заслуг в построении новой теории) было то, что он в некотором роде полностью порывает с классической теорией психоанализа и предлагает свою метапсихологию, основанную только на психологии «Я».

Более успешным, по всей видимости, было бы дополнение психологии влечений и агрессии психологией «Я» и понимание вопросов развития «Я» как тесно взаимосвязанных с жизнью влечений и инстинктов. Можно сказать, что по такому пути, при сохранении важной эмптической традиции школы Кохута, движутся

Дж.Д. Лихтенберг, Ф.М. Лачманн, Дж.Л. Фосседж [25, 49]. Джозеф Лихтенберг и его соавторы разработали подход, включающий в психологию самости 5 мотивационных систем, учитывающих фундаментальные биологические и социальные потребности. Однако акцент в их подходе сделан не на интерпретации защит, а на организованных реакциях на негативные и позитивные переживания в русле описания чувства самости как центра организации и консолидации мотивов и переживаний.

Такой подход нам представляется весьма перспективным. В нем творчески развиваются важное наследие Хайнца Кохута и разработанные им методы и, вместе с тем, ассимилируются достижения классического психоанализа, теории влечений и защитных механизмов.

В продолжение движения по кругу мандалы рассмотрим *компульсивный радикал*. Нужно заметить, что компульсивный и истерический радикалы обозначают конфликтное (диалектическое) напряжение невротического уровня междудержанностью и спонтанностью, между жизнью влечений и воспитанием. Здесь содержится классическая тема, которую Фрейд обозначил как *Эдипов комплекс*.

Движение по кругу приводит нас к рассмотрению радикалов Ид, и первым из них является депрессивный. Здесь вновь уровень «поражения» радикалов идет по убывающей. Однако радикалы Ид неоднородны. Нами была выделена так называемая *подгруппа двойственных*, они относятся и к группе Ид, и к группе супер-эго (рис. 2). Вернее, один из таких радикалов имеет двойственную природу (Ид и супер-эго), а другой имеет необычную природу, которая автором была обозначена как *нейтральная*.

В связи с этим обратимся к рассмотрению психологических типов. В ходе многолетних исследований, наблюдений и размышлений мы приходим к выводу, что депрессивный и истерический радикалы имеют однозначную соотносимость с чувствами, с этической функцией. Это «чистые» радикалы Ид, т.е. имеющие отношение к сфере инстинкта, чувств. В таком смысле они никак не соотносимы с мышлением, или шизоидностью.

Что же касается двух других радикалов, отнесенных автором модели в группу Ид, то они ведут себя иначе. *Пораженный радикал* обладает двойственными свойствами. В одних случаях он выступает в роли радикала Ид как компенсирующий шизоидное начало в личности; в других случаях пораженный радикал выступает в качестве радикала супер-эго, и в такой роли он может быть на первой позиции и у этиков, и у логиков. Такие двойственные свойства этого радикала, на наш взгляд, можно объяснить тем обстоятельством, что в нем содержатся на 50% депрессивные (этические) черты и на 50% параноидные (супер-эго) черты.

Однако важно уточнить, что двойственное поведение пораженного радикала проявляется не хаотично, в

смысле, у одного человека и в его устойчивой структуре личности (ТХА), а в разных случаях, у разных людей, где он устойчиво занимает место либо радикала Ид, либо радикала супер-эго. Правда, всегда нужно помнить (и это касается всех радикалов), что триада характерологической адаптации динамична, т.е. относительна, подвижна, как во всех открытых системах. Так что на деле возможны разные варианты сочетаний радикалов.

Что же касается гипоманиакального радикала, то он ведет себя еще более необычно (для него характерна, по словам Отто Фенихеля, «множественная идентификация» [46, с.531]). Являясь радикалом Ид, он, тем не менее, весьма часто встречается как ведущий у логиков. Сразу при этом возникает вопрос: как же в таком случае он может быть радикалом Ид, ведь мыслительная установка противоположна инстинктивной? Ответ такой: гипоманиакальный радикал и не является «чистым» радикалом Ид, а *нейтральным радикалом из группы Ид*. Рассмотрим примеры: интуитивно-логический экстраверт («Дон Кихот») или логико-сенсорный экстраверт («Холмс») с формулой записи структуры личности: гипоманиакальный/параноидный/шизоидный (ГПШ).

Если это логики, то значит, ведущим радикал Ид не может быть, значит, здесь гипоманиакальный не есть радикал Ид. Поскольку в структуре личности данных персонажей содержится параноидный радикал, то значит, гипоманиакальный также не есть радикал супер-эго. Поскольку в структуре личности этих людей есть шизоидный, то гипоманиакальный не является радикалом эго. Чем же он тогда является, если из трех возможных вариантов, он не есть ни первое, ни второе, ни третье? Ответ: нейтральный радикал, который позволяет проявиться в нем аспектам Ид ровно настолько, насколько позволяет психологический тип. Если это логик, то инстинктивное начало будет проявляться через гипоманиакальность в самом слабом виде. Если этик, то инстинктивность будет проявляться через гипоманиакальность в самом сильном виде.

Вот такой парадоксальный ответ на вопрос о принадлежности гипоманиакального радикала к одной из групп структуры личности. Можно сказать, что гипоманиакальный является неким переходным аспектом в раскрытии общей идеи о взаимосвязи радикалов и типов в структуре личности, если выразиться по-гегельянски. В двойственных радикалах их общая идея не становится логически противоречивой (абсурд, нонсенс), но обретает переходные грани. Здесь разумное развертывание некой идеи выступает в пластичных, многогранных, по-рою парадоксальных формах, однако, оставаясь последовательным и не противоречивым с точки зрения формальной логики.

Из созданной структурно-характерологической модели личности выводится обобщающий закон, являю-

щийся квинтэссенцией этой модели: личность структурирована как совокупность радикалов. В связи с этим предлагается к использованию в практике психотерапии, психологии и соционики точная формула записи структуры личности человека. В русле соционики давно практикуются определение и запись психологического типа человека (а также сформировалась традиция собирать типологические персоналии исторических личностей). Теперь эту традицию определения типа можно дополнить определением структурных составляющих.

Мы предлагаем записывать структурное обозначение человека, включающее его психотип и структурный тип — трехбуквенную аббревиатуру радикалов его ТХА. Например, классические образы: Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Шерлок Холмс: психотип — логико-сенсорный экстраверт, структурный тип — параноидный/шизоидный/депрессивный, или ГПШ. Доктор Ватсон: психотип — этико-интуитивный интроверт, структурный тип — депрессивный/параноидный/шизоидный, или ДГПШ.

Важно при этом обратить внимание, что в зависимости от этической или логической ведущей функции шизоидность записывается либо на первом и втором (у логиков), либо на третьем (у этиков) месте. Так же и радикалы Ид записываются на первом или втором месте у этиков и на третьем у логиков, что автор показал на примере Холмса и Ватсона.

Особая формула записи для гипоманиакального типа. Если это логик с ведущим гипоманиакальным радикалом, то все записывается как обычно, но в скобках, после всех обозначений, пишется буква «Г», обозначающая, что как этический гипоманиакальный будет стоять на последнем месте. Например: «Холмс» с гипоманиакальными/параноидными/шизоидными радикалами — ГПШ(Г).

В такой структуре личности мышление, шизоидность, фактически не на третьем месте, а на втором, вслед за радикалом супер-эго, поскольку гипоманиакальный в этическом плане проявляется здесь как самый слабый аспект. Однако, опять-таки, следует напомнить, что эти математически точные формулы личности есть теоретические конструкции или некие тенденции, которые в жизни конкретной личности могут наполниться порою иным содержанием. То есть, если личность развивает свои компенсаторные, дополнительные ресурсы, то, что в теории мыслится как слабость, на деле может таковою и не быть, а представлять, собой напротив, потенциально развитую силу.

На наш взгляд, введение точной формулы записи структуры личности в дополнение к определению типа позволяет полнее оценить личностные ресурсы, обрисовать личностный портрет человека, что очень важно для практики психотерапии, психологического консультирования, соционического консультирования и т.д. Та-

кая модель позволяет упростить диагностику до максимально понятных операций.

Обобщающие принципы

В книге «Агония патриархата и надежда на триединое общество» [32] Клаудио Наранхо описывает конфликты и кризисы патриархального уклада и видит выход в развитии холистического (целостного, интегративного) подхода во всех областях жизни. Он опирается на возрождение эзотерического знания (неошаманизма), интуитивных подходов и возрождение женских сторон психики.

Наранхо замечает: «Триединство — одна из великих истин о мире и человеке, получивших признание практически во всех культурах [32, с.48]. Он интерпретирует символику триединства в разных нюансах и значениях, максимально акцентируя внимание на архетипическом единстве Отца, Матери и Ребенка. Иначе говоря, научной рациональности и воле мужского подхода, женской душевности и теплоте, близости и любви, и детской творческой жизнерадостности. По его мнению, неошаманизм и есть такая интегрирующая точка зрения, когда в фигуре древнего шамана сходились фигуры целителя, художника, и жреца (священника).

У Карла Юнга существовали интересные инсайты и определения по поводу интуиции. В главе «Медитация и воображение» в книге «Психология и алхимия» [59] он указывает, что слово *медитация* употребляется тогда, когда у человека происходит внутренний диалог с кем-то невидимым. Это работа воображения, т.е. то, что Юнг называл *трансцендентной функцией*, при помощи которой происходит интеграция различных частей души: «Таким образом, воображение есть концентрация жизненных сил, физических и духовных» [59, с.291]; «...тождественность противоположностей — это характерное свойство каждого психического события в области бессознательного» [59, с.293], «Символ не абстрактен, и не конкретен, ни рационален, ни иррационален, ни реален, ни нереален. Он всегда есть и то и другое...» [59, с.295].

Интуиция является интегративной функцией, дающей возможность соединиться всем остальным в *воображенном пространстве психического*. Если психологических функций четыре и это некая устойчивая, но статичная структура (в мифологии [4]), то основных личностных инстанций — три, и это дает подвижную, динамическую структуру. Подвижная, динамичная триада вбирает в себя принцип четверицы (кватерности), как это видно в архетеипе Дома. То есть, три структуры-радикала как принципы «разум, чувство, воля» осуществляют диалектическое единство поведения в мире (как тезиса, антитезиса, примиряющего синтеза) в рамках *интуитивного единства*.

Соотнося четыре функции по Юнгу (и типы установок) с тремя радикалами характера (триада) в архетеипе Дома (Личности), следует заметить, что четыре функции образуют устойчивый фундамент и стены архетеипа Дома, а в динамическом аспекте (число три) радикалы адаптации, которые отражают инстанции личности, сводятся к трем точкам опоры на крыше, с одной вершинной точкой. Мир основан на всеобщей структурной целостности и голографическом единстве на всех уровнях. Поэтому любой значимый символ, как-то Дом, Дерево, Цветок и т.д., отражает голографический образ самого человека в символическом виде.

Таким образом, внешний аспект архетеипа Дома формируется в структурном смысле из психологических функций, составляющих его основу, и из инстанций личности и радикалов адаптации, отражающих единство динамического и статического аспектов внутри личности. При этом, конечно, радикалы адаптации (структуре личности) не фиксируются в самых верхних точках архетеипа Дома, а распределены по всем сферам Дома, так что функции и радикалы адаптации, фактически, есть одно и то же, только рассматриваемые с разных точек зрения. Так что в горизонтальной проекции мы видим 4 психологических функции, а в вертикальной — три радикала адаптации, формирующие инстанции личности, на базе тех же самых психологических функций, но уже в соотношении с характерологическими радикалами.

В таком смысле, структурно-характерологическая модель личности есть концептуальный мост, соединяющий психологическую типологию (и соционику) с психоаналитической характерологией. Вместе с тем, эта модель образует мост между академической психологией, соционикой, психотерапией и психоанализом.

Научные и мировоззренческие следствия

В книге «Мандала классических архетеипов личности» [9] мы обосновываем использование анализа равновесных структур, или мандал, характеризующих завершенную структуру космоса.

На наш взгляд, такой подход способен привести к построению единой модели (метатеории) гуманитарного пространства и единой модели психотерапии, преодолевая разногласия множества конфликтующих в поиске истины направлений и школ. С.М. Неаполитанский и С.А. Матвеев издали в 2003 г. книгу под названием «Сакральная геометрия» [35], посвященную постижению мира через анализ всевозможных геометрических структур, которые его составляют. Они пишут: «Геометрия — удивительная наука. Она не подчиняется частным взорваниям, с трудом признает новые авторитеты, на многие вещи предлагает поразительно точный ответ и является собой чистую красоту. Сама природа пользуется ее достижениями; примеры этого повсюду: от

спиралей раковины и маленьких цветков маргаритки до симметрии шестиугольных пчелиных сот и золотых пропорций естественных каменных образований» [35, с.3]. «Сакральная геометрия предопределяет формы молекул и кристаллов, которые составляют наши тела и Космос. Фактически она есть ключ к созданию и пониманию Вселенной» [35, с.3].

В определенном смысле, на наш взгляд, сакральная геометрия и методология структурализма в гуманитарных науках — это одно и то же. С такой холистической точки зрения мы относим философские построения Гегеля во многом к разряду структурализма. Мы полагаем, что в русле нашего методологического подхода по-новому открывается значение его трудов, часто считающихся методологически «архаичными» для современной науки. Однако диалектический метод Гегеля с особой глубиной и структурной точностью вскрывает множественные пути Идеи в ее разумном и целенаправленном (холистичном) развертывании в бытии. Однако жизненным, действительным может быть не только разумное именно как логическое, как считал Гегель, но и жизненно разумное, даже как иррациональное. Также важно понимать, что если и использовать подход Гегеля, то не в его чистом виде, а скорее как модернизированное, или *неогегельянство*.

Относительно мандалы авторы книги «Сакральная геометрия» пишут: «Вселенная — не беспорядочное собрание разнородных вещей, а гармоничный набор отношений. Мы являемся частью этого набора. Вселенная упорядочена, и эта концепция лучше всего иллюстрируется мандалой.

Слово *мандала* в переводе с санскрита означает «священный круг». Круг символизирует лоно творения, состояние недифференцированного потенциала, из которого происходят первичные формы. В дополнение к влиянию ее геометрического совершенства мандала воздействует и на уровне архетипов, универсалий. Сходные формы повторяются почти во всех религиях как символы космических тайнств, через которые человек раскрывает свое первичное сознание.

Мандалы использовались многочисленными культурами в течение тысяч лет для описания процессов творения. Во всех мировых культурах процессы изменения и развития отображаются в форме круга, мандалы: движение времен, жизни, небесных тел, смена времен года.

Пифагор называл геометрию визуальной музыкой, музыкой сфер. В этом смысле мандалы можно рассматривать как небесные симфонии, гармонические сочетания математических формул. Они переводят сложные математические выражения в простые формы. Они показывают, как законы, управляющие развитием жизни, могут быть представлены в изумительно красивом виде. Это естественные образования, показывающие непрерывные, бесконечные, универсальные взаи-

модействия Бога и человека, которые могут быть отображены только через геометрию» [5, с.340].

Также они пишут: «Наш мир представляет сплошную, единую мандalu, изначальную структуру, порождающую бесконечный поток изменений, энергий, волн, форм» [35, с.346]; «Являясь неотъемлемым свойством человеческого сознания, мандала непрерывно проявляется в его конструкциях, ритуалах, формах искусства. К.-Г. Юнг писал, что мандала является основной структурной схемой в западной алхимической традиции, и подчеркивал ее терапевтическое, интегрирующее свойство» [35, с.347].

В книгах «Христианская интегративная психотерапия» [8] и «Мандала классических архетипов личности» [9] кроме мандалы классических радикалов, входящих в структурно-характерологическую модель личности, мы представили еще две: классических архетипов личности и иерархии высшего единства. Данная статья посвящена подробному рассмотрению структурно-характерологической модели личности, поэтому здесь не будем подробно разбирать эти мандалы. Однако необходимо отметить, что структурно-характерологическая модель личности и мандала классических архетипов личности вместе составляют единый архетип Дома (Личности), который автор данной концепции предлагает в качестве базисной основы модели единой психотерапии.

Иначе говоря, данные модели предлагаются автором как *метатеория*, способная преодолеть методологический кризис современной психотерапии на базе более широкого дискурса и продуманного, целенаправленного синтеза. Один из крупнейших психотерапевтов мира, президент Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги Виктор Викторович Макаров очень много делает для того, чтобы вывести психотерапию из состояния методологической двойственности.

В своих книгах и многочисленных статьях он отмечает, что интегративное движение в психотерапии является насущной необходимостью [27—29]. Он отмечает, что приверженцы разных подходов и школ психотерапии чаще подчеркивали свое различие, нежели единство. В.В. Макаров по поводу единства школ психотерапии, в частности, пишет: «Ведь, как это ни покажется странным, мы никогда не были вместе» [28, с.473]. Сходным образом высказываются А.В. Курпатов и Г.Г. Аверьянов в книге «Руководство по системной поведенческой психотерапии»: «И даже если кажется, что все психотерапевты думают об одном и том же, на деле выходит, что каждый понимает то, что думает, по-своему. Попытки создания стройного здания психотерапии в отсутствие единого, общепринятого и общедоступного языка напоминают печальный опыт возведения Вавилонской башни» [19, с.36]; «В каком-то смысле психотерапия является собой наглядный пример современного

МЕТОДИКА, МЕТОД, МОДАЛЬНОСТЬ, ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ

всебо́щего кризиса науки, причем в наиболее крайнем его проявлении» [19, с.53].

Отсутствие единого языка и общей, признаваемой всеми направлениями метатеории приводило к отсутствию единых методологических и методических критериев в психотерапии, отсутствию единого поля психотерапии. Даже на Западе, где психотерапевтическая традиция значительно богаче, чем в странах СНГ, лишь сравнительно недавно стали формироваться единые профессиональные сообщества и появляться государственные законы о психотерапии.

Однако именно российская (славянская в целом) психотерапия демонстрирует стремление к интегративному синтезу, творческому использованию *всего потенциала психотерапевтических подходов и техник, наработанных в мире*. Возникло даже направление, которое Виктор Викторович Макаров обозначает как *мультимодальная российская интегративная психотерапия*. Однако, в особенности в связи с разработкой украинским психотерапевтом системы христианская интегративная терапия (ХИТ), мы полагаем, что лучше обозначать это направление как *мультимодальная славянская интегративная психотерапия*.

Нужно, однако, заметить, что в русле нашего подхода мы утверждаем стремление создать на базе нашей модели метатеорию, претендующую на объективное отражение действительности, а не только общую техническую модель для практики. В таком аспекте наш подход расходится с подходом А.В. Курпатова и Г.Г. Аверьянова, которые в «Руководстве по системной поведенческой психотерапии» пишут о том, что разработанная д-ром Курпатовым концептуальная модель системной поведенческой психотерапии (КМ СПП) не претендует на описание действительности. «Поскольку КМ СПП является *технологией*, ее нельзя считать ни «описательной», ни «объяснительной», ни «понимающей» наукой. Это инструмент» [19, с.33], «Иными словами, термины и понятия здесь — это не способ отражения реальности, но инструменты воздействия на эту реальность» [19, с.32].

Однако мы опираемся на философские представления Гегеля, Н.О. Лосского, К. Уилбера о принципиальной открытости мироздания для познания. Поэтому мы полагаем, что создаваемые научные и, в частности, психотерапевтические, концепции отражают определенные аспекты реальности. Другое дело, что в настоящий момент ситуация в психотерапии не позволяла увидеть за множеством теорий общий метатеоретический дискурс, осмысливать основные концепции психотерапии не как конгломерат противоречивых идей, «навязывающих» действительности (означаемое) свои языковые конструкции и «тени означающих», а как общую систему развертывания идеи психического в различных, порою противоречивых, но диалектически единых аспектах.

Кроме архетипа Дома, автор данной статьи разработал, как уже было сказано, *мандалу иерархии высшего единства*, которая имеет философско-мировоззренческое значение. Хотя такая модель вряд ли может быть проверена эмпирическими методами, в ней отразилась основная идея о том, что *структурная гармония характерна для всех уровней мироздания*, в том числе и для самых широких общностей. Такими общностями здесь выступают Мировая Душа и Бог, трансцендентный миру.

Эта модель вместе с экзистенциальной аналитикой религиозного модуса бытия и анализом символики колективного бессознательного стала основой выдвинутой автором *психотерапевтической апологии христианства* (апология — научное обоснование). Таким образом, автором были предложены не только новая психотерапевтическая модель, но и единый мировоззренческий подход, в основе которого — последовательный христоцентризм. На базе христианской антропологии и анализа колективного бессознательного нами осмысливаются многие явления культуры, предлагаются методы психотерапевтического воздействия как на отдельного человека, так и в русле коллективных общностей.

Такая психотерапевтико-религиозная концепция не противоречит основным постулатам психотерапии как науки. В этом смысле, давая общее определение психотерапии, уже упомянутый выше один из ведущих теоретиков психотерапии Виктор Викторович Макаров пишет:

1. Психотерапия является частью современной культуры. Это молодая, нарождающаяся область культуры, происходящая из Западной Европы и в настоящее время развивающаяся на всех континентах, в большинстве стран мира;

2. Психотерапия занимается человеком и группой. В том числе самой важной группой в нашей жизни — семьей. Психотерапия объявляет человека и семью главной ценностью мироздания и всеобщим эталоном;

3. Психотерапевтические знания метафоричны. Они содержат живой дух метафоры. А значит, что психотерапия, понятая как метафора, содержит одно важное измерение — духовность. Психотерапия, связанная к концептуальным знаниям или техническим процедурам, лишена духовности, человечности;

4. Психотерапия объясняет болезни, недостаточное или искаженное развитие, неполную самореализацию, отсутствие гармонии с собой и (или) миром в психологических, духовных понятиях;

5. Психотерапия осуществляет лечение и предупреждение расстройств здоровья, недоразвития или неполной самореализации, достижения гармонии с собой и миром при помощи психологических, духовных воздействий» [28, с.71—72].

Как видим, психотерапия использует как психологические, так и духовные воздействия на личность для

преодоления искаженного развития, помохи в самореализации и обретении гармонии. Религиозное пространство как пространство, реально входящее в человеческий, духовный мир, не может быть исключено из области научной психотерапии, напротив, оно требует последовательной асимиляции.

В русле данной методологической дискуссии необходимо упомянуть о том, что автором данной статьи были разработаны еще две мандалы, которые углубляют *метатеоретический дискурс* на создание единой модели психотерапии и гуманистического знания. В данной статье мы не будем подробно разбирать эти модели, однако приводим их схематическое изображение. Первая из них была названа автором *мандала классических архетипов эстетики (МКАЭ)*. На рис. 3 можно увидеть, что в этой модели представлены основные эстетические течения, прошедшие проверку временем, как базисные, или классические. Янские направления связаны с большим контактом с внешней реальностью и отталкиваются от реальности, в то время как иньские течения взаимосвязаны с творчеством и углублением во внутренний мир личности или трансцендентного пространства.

На рис. 4 показана вторая модель, которая была обозначена как *мандала классических архетипов саморегуляции психического (МКАСП)*. Здесь отражены основные архетипы, в русле которых идея психического раскрывается для своего постижения как единое целое. Данная структурная модель позволяет поднять вопрос интеграции психотерапевтических направлений еще на одну ступеньку. Здесь психотерапия с новой точки зрения представляется как *целостная система* (о чем говорилось выше), в которой разные направления тесно взаимосвязаны родственными или компенсаторными отношениями. Янские направления взаимосвязаны с рациональными аспектами, а иньские — с иррациональными.

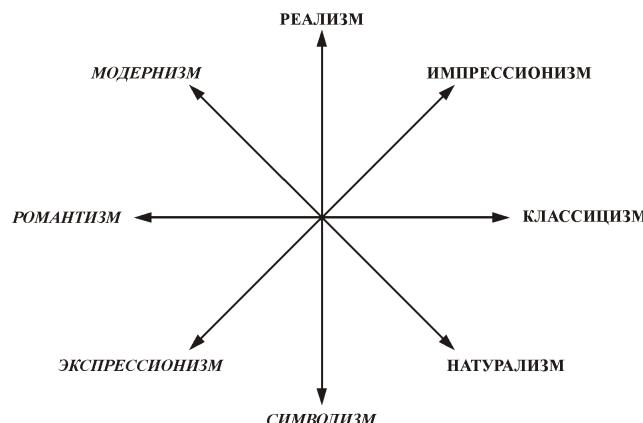

Рис. 3. Мандала классических архетипов эстетики

Обе модели тесно взаимосвязаны с мандалой классических архетипов личности и, фактически, в некотором смысле совпадают с паттернами соответствующих классических радикалов, раскрывая последние и в эстетическом аспекте, и в аспекте *психической саморегуляции*. К слову, активно используемое автором данных моделей обозначение *классические* прямо отражает проявление ведущего ролевого сценария Аполлона (статичный Анимус), который в аспекте эстетическом проявляется как система *классицизма*.

Структурную методологию также развивают А.В. Минченков и Н.Б. Елпидифоров, изложившие в книге «Методы структурной психосоматики» [31] важные эзотерические принципы мироздания. Структурные принципы энеаграмм развивает Клаудио Наранхо [32—34], создавший на основе энеаграмм свою характерологию, которая может рассматриваться в общем контексте интегративной программы. Ведущие соционики СНГ работают, можно сказать, в том же «структуро-ралистском» русле, обнаруживая общие, «сакрально-геометрические» принципы, существующие в области информационных систем психического. Особо хотелось бы отметить В.В. Гуленко [5], В.И. Окладникова [36, 37], работающего в области типологии и адаптационных состояний личности, Г.Р. Рейнина [39] с его фундаментальным научным подходом, Г.В. Щекина [56], творчески развивающего идеи соционики в изучении социальной динамики. Изучение сфер когнитивной психологии также тяготеет к поиску объединяющих принципов на основе общих структурных (можно сказать архетипических) единиц [24, 51].

Стремление преодолеть методологический кризис в психотерапии, отмеченный многими авторами [9, 20—23, 27—29, 31—34, 38, 41, 42, 49], приводит исследователей к поиску самых фундаментальных оснований, которые обнаруживаются как некие общие прагматики, праматрицы, или *архетипы*.

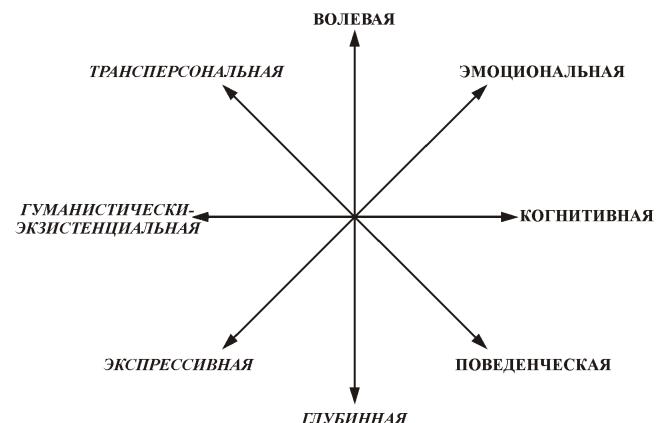

Рис. 4. Мандала классических архетипов саморегуляции психического

Практическое значение структурно-характерологической модели личности

В связи с этим уместно еще раз процитировать высказывание Нэнси Мак-Вильямс в отношении значения структурной модели Фрейда: «Публикацией «Эго и Ид» (1923 г.) Фрейд представил свою структурную модель и открыл новую эру в развитии психоаналитической теории. Исследователи-аналитики переместили свой интерес с содержания бессознательного на процесс, посредством которого это содержание удерживается вне осознания. Эрлоу и Бреннер (Arlow & Brenner, 1964) убедительно доказывали, что структурная теория, с ее упором на понимание процессов, происходящих в эго, имеет большую объяснительную силу» [30, с.44].

Нетрудно понять, что наша структурная модель имеет большую объяснительную силу, как и потенциал практического применения. Позволяя четко понять отношение между психологическими типами, радикалами характера и инстанциями личности, она упрощает диагностику и определение стратегии психотерапии, облегчает доступ к творческим ресурсам личности. Она может найти применение как в практике динамической психотерапии (и не только динамической), так и в диагностике, в тренинговых программах по развитию личности, в соционике, в искусствоведении и т.д. Если основной целью глубинной психотерапии является структурная перестройка личности, то на основе нашей модели такая перестройка, трансформация, может быть достигнута гораздо более успешно, чем в случае «ингуитивных» подступов к пониманию базисных основ личности и ее динамики.

Основным критерием эффективности психотерапевтических техник является практика, и наша модель открывает широкие перспективы большего использования ресурсов личности для ее самораскрытия и самореализации.

Список литературы

1. Аугустиновиче А. Соционика: Введение / Сост. Л. Филиппова. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 1998. — 448 с.
2. Берн Э. Трансакционный психоанализ и психотерапия / Пер. с англ. — СПб.: Братство, 1992. — 224 с.
3. Блюм Г. Психоаналитические теории личности / Пер. с англ. А.Б. Хавина. — М.: КСП, 1996. — 247 с.
4. Генон Р. Символы священной науки / Пер. с франц. — М.: Беловодье, 2004. — 480 с.
5. Гуленко В.В. Структурно-функциональная соционика: Разработка метода комбинаторики полярностей. — Киев: Транспорт Украины, 1999. — 187 с.
6. Еслюк Р.П. Шаманизм в контексте символдрамы // Психотерапия. — 2005. — №3. — С. 2—10.
7. Еслюк Р.П. Характеры и психологические типы в авантюре человеческого существования: «Гриада характерологической адаптации» // Психотерапия. — 2006. — №1. — С. 33—43.
8. Еслюк Р.П. Христианская интегративная психотерапия. — Харьков: Новое слово, 2007. — 120 с.
9. Еслюк Р.П. Мандала классических архетипов личности. — Харьков: Новое слово, 2007. — 210 с., илл.
10. Калшед Д. Внутренний мир травмы: Архетипические защиты личностного духа / Пер. с англ. — М.: Академический Проект, 2001. — 368 с.
11. Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях / Пер. с англ. А.Ф. Ускова. — М.: Независимая фирма «Класс», 1998. — 368 с.
12. Кернберг О. Отношения любви: норма и патология / Пер. с англ. — М.: Независимая фирма «Класс», 2000. — 256 с.
13. Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / Пер. с англ. — М.: Независимая фирма «Класс», 2000. — 464 с.
14. Кляйн М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / Пер. с англ. А.Ф. Ускова. — СПб.: Б.С.К., 1997. — 96 с.
15. Когнитивная психотерапия расстройств личности / Под ред. А. Бека, А. Фримена. — СПб.: Питер, 2002. — 544 с.
16. Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Пер. с англ. — М.: Когито-Центр, 2003. — 368 с.
17. Крепер О., Тьюсон Ж.М. Типы людей. 16 типов личности, определяющих, как мы живем, работаем и любим / Пер. с англ. — М.: Персей, Вече, АСТ, 1995. — 544 с.
18. Кречмер Э. Строение тела и характер / Пер. с нем. — М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. — 336 с.
19. Курпатов А.В., Аверьянов Г.Г. Руководство по системной поведенческой психотерапии. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2006. — 576 с.
20. Курпатов А.В., Алексин А.Н. Философия психологии. Новая методология. 2-е изд-е. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2006. — 448 с.
21. Курпатов А.В., Алексин А.Н. Развитие личности. Психология и психотерапия. 2-е изд-е. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. — 448 с.
22. Куттер П. Современный психоанализ / Пер. с нем. — СПб.: Б.С.К., 1997. — 348 с.
23. Лазарус А. Краткосрочная мультимодальная психотерапия. — СПб.: Речь, 2001. — 256 с.
24. Либин А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. — М.: Смысл, 1999. — 532 с.
25. Лихтенберг Дж., Лачманн Ф., Фосседж Дж. Клиническое взаимодействие: Теоретические аспекты концепции мотивационных систем / Пер. с англ. — М.: Когито-Центр, 2003. — 368 с.
26. Лоуэн А. Психология тела (Телесно-ориентированный биоэнергетический психоанализ) / Пер. с англ. — М.: Независимая ассоциация психологов-практиков, 1997. — 200 с.
27. Макаров В.В. Избранные лекции по психотерапии. — М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 1999. — 416 с.
28. Макаров В.В. Психотерапия нового века. — М.: Академический Проект, 2001. — 496 с.
29. Макаров В.В. Миссия психотерапии: сегодня и завтра // Психотерапия. — 2005. — №3. — С. 11—13.
30. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. — М.: Независимая фирма «Класс», 1998. — 480 с.
31. Минченков А.В., Елпидифоров Н.Б. Методы структурной психосоматики. — СПб.: Изд. дом «ЮВЕНТА»; М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. — 409 с.
32. Нааранхо К. Агония патриархата и надежда на триединое общество / Пер. с англ. — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. — 224 с.
33. Нааранхо К. Энеа-типологические структуры личности: Самоанализ для ищущего / Пер. с англ. — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. — 224 с.
34. Нааранхо К. Характер и невроз / Пер. с англ. — СПб. — Мн.: ЗАО «Диалог» — ИП «Лотацъ», 1998. — 336 с.
35. Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Сакральная геометрия. — СПб.: Святослав, 2003. — 632 с., илл.

36. Окладников В.И. Типология и адаптационные состояния личности. — Иркутск: Типография Восточно-Сибирского аэро-геодезического предприятия, 2001. — 171 с.
37. Окладников В.И., Кухлова Г.Г. Дезадаптация личности. — Иркутск: Оттиск, 2004. — 180 с.
38. Психотерапия — новая наука о человеке / Под ред. А. Притца / Пер. с нем. — Екатеринбург: Деловая книга, М.: Академический проект, 1999. — 397 с.
39. Рейнин Г.Р. Типология. Малые группы. — СПб.: Образование — Культура, 2005. — 240 с.
40. Риман Ф. Основные формы страха / Пер. с нем. — М.: Алетейя, 1998. — 336 с.
41. Руднев В.П. Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. — М.: Независимая фирма «Класс», 2002. — 272 с.
42. Руднев В.П. Словарь безумия. — М.: Независимая фирма «Класс», 2005. — 400 с.
43. Собчик Л.Н. Характер и судьба. Введение в психологию индивидуальности. — М.: Институт прикладной психологии, 1995. — 125 с.
44. Столоруо Р., Брандштафт Б., Атвуд Дж. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход / Пер. с англ. — М.: Когито-Центр, 1999. — 252 с.
45. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т. 1. Теория / Пер. с англ. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Литера», Изд-во Агентства «Яхтмен», 1996. — 576 с.
46. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов / Пер. с англ. 2-е изд-е. — М.: Академический Проект, 2005. — 848 с.
47. Фрейд З. Психоаналитические этюды / Сост. Д.И. Донской, В.Ф. Круглянский. — Минск: Беларусь, 1991. — 606 с.
48. Фромм Э. Анatomия человеческой деструктивности / Пер. — М.: Республика, 1994. — 447 с.
49. Хайл-Эверс А., Хайл Ф., Отт Ю., Рюгер У. Базисное руководство по психотерапии. — СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа совместно с изд-вом «Речь», 2001. — 784 с., илл.
50. Харрис Т.А. Я — о'кей, ты — о'кей / Пер. с англ. — М.: Смысл, 1997. — 328 с.
51. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд-е. — СПб.: Питер, 2004. — 384 с.
52. Хюбшер А. Мыслители нашего времени / Пер. с нем. — М.: Изд-во ЦТР МГП ВОС, 1994. — 312 с.
53. Шапиро Д. Невротические стили. — М.: Институт общеуманистических исследований, 1998. — 197 с.
54. Шарп Д. Психологические типы. Юнговская типологическая модель / Пер. с англ. В.В. Зеленского. 2-е изд-е, перераб. и доп. — СПб.: Б.С.К., 1996. — 216 с.
55. Шопенгауэр А. Избранные произведения / Сост., вступ. и примеч. И.С. Нарский. — М.: Просвещение, 1992. — 479 с.
56. Щекин Г.В. Социальная философия истории (теория социального развития): Монография. — К.: МАУП, 1996. — 152 с.
57. Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие / Пер. с нем. / Под общ. ред. А.М. Боковикова. — М.: ЗАО МГ Менеджмент, 1998. — 800 с., илл.
58. Юнг К.-Г. Тавистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика / Составл., предисл. и пер. с англ. В. Менжулина. — К.: СИНТО, 1995. — 236 с.
59. Юнг К.-Г. Психология и алхимия / Пер. с англ., лат. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. — 592 с.
60. Юнг К.-Г. Психологические типы / Пер. с нем. — М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. — 761 с.

Structural and character model of person: to the question of united model for psychotherapy

ESLYUK R.P.

Private enterprise «Scientific and Educational Center «Christian integrative psychotherapy named after O.A. Men». Ukraine, Kharkiv

The question of interaction of character radicals, psychological types and structural instances of a person is considered. The clear structural interrelation of the described aspects is considered, and laws of such interrelation are proved. The description is given with substantiation of the created by the author structural character model, on the basis of which the author aspires to lay the basis of methodological unified model of psychotherapy. Theoretical, practical and world outlook consequences of the developed model application are disclosed. Interaction of this theoretical model is given with other structural models developed by authors of the article.

Key words: structural and character logic model of person, mandala, the fundamental bases of unified psychotherapy, character logic radicals and instances of a person, the archetype of the House-Person